

***Ковалева Тамара Кирилловна.
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..."***

О жизни своей семьи в блокадном Ленинграде и о муже, участнике войны, которого уже нет, рассказывает Тамара Кирилловна Ковалёва, жизнерадостная и счастливая мама, бабушка и неутомимая труженица.

Мне было одиннадцать месяцев, когда началась война. Мой папа, Кирилл Михайлович Чайка, служил в училище имени Фрунзе на Васильевском острове. Мама, Ефросинья Алексеевна, работала парикмахером высшего класса, брила офицерский состав.

Когда началась война, женщин сразу послали рыть окопы. И мама рыла. А папа минировал все водные подступы Невы и Балтики (он был мичманом, имел в подчинении курсантов, возглавлял многие операции).

Когда началась бомбёжка Ленинграда, в наш дом попал снаряд. Мама с папой тогда были на работе, а бабушки дома не было. И вот родители вернулись, а дома нет. А у кого узнать? Никого нет. Мама меня потеряла. А мы жили в коммуналке, у нас была соседка, Агриппина Ефимовна Мельникова. У неё было двое детей, сын (лет шести) и двухлетняя дочка. Она работала поваром в

Артиллерийском училище. Она тогда пришла с дежурства, и увидела нас, детей, на улице. Схватила нас, и отвела в училище. А мама меня ищет! Мы жили в училище какое-то время. Потом Агриппине Ефимовне дали комнату на Васильевском. Начался голод, а она же была поваром, и что могла, таскала с работы. Мама ничего про меня не знала, и плакала, что потеряла. Она уже успела забеременеть, родила мальчика, но он не выжил.

Так совпало, что маме с папой дали комнату в общежитии на 4 линии Васильевского, а мы жили на 9 линии! Они – ближе к набережной, а мы – к Большому проспекту. И однажды, уже в начале сорок четвёртого, Агриппина Ефимовна идёт из своего училища (которое на 12 линии) по Большому проспекту, и вдруг встречает мою маму: «Фрося!» – «Ой, Груша!»

Агриппина Ефимовна спрашивает: «Как ты живёшь?» Мама: «Да вот, Тamarочку потеряла, ещё сыночка потеряла... Ну а ты как, Грунь?». Она говорит: «Да Тamarочка-то у меня!..» Какое было счастье! И поначалу я боялась папу, я его столько лет не знала, я уже Агриппину Ефимовну мамой звала...

Нам в этой же квартире, где была Агриппина Ефимовна, дали ещё две комнаты. Папе давали паёк, нам его хватало. Мама ещё делилась с соседкой.

Из голов селёдок делалась такая каша мутная, добавлялась мука и получалась похлёбка. Я её не хотела есть. А с войны пришёл офицер. И бабушка ему говорит: «Гош, подействуй на Тamarочку, чтобы она съела это!» А он ничего лучше не нашёл, вывернул свой тулуп наизнанку, надел, открыл дверь и громко сказал: «Ешь сейчас же!» Я испугалась его и всё съела.

Я долго не говорила. Меня водили к логопедам, и что только не делали. До пятого класса я плохо говорила. Потом речь восстановилась.

У папы было много медалей, в одной статье даже описывался случай, когда он полез в ледяную воду и один разминировал мину. Он потом месяца четыре лежал в больнице парализованный. Врачи спасли его, он отошёл.

Моя бабушка, Евдокия Степановна, была раньше монашкой (из монастыря вернулась, чтобы воспитать двух племянниц). Она строго меня воспитывала. Мне было уже пять лет, папа приехал из очередной командировки и привёз мне

красивую шубу, цигейковую. С муфточкой, с шапочкой с помпончиками. Я сняла с себя плохую одежду, надела шубку и вышла нарядная гулять. А во дворе стоял большущий насос. И дети во дворе взяли и облили меня нечистотами. Позавидовали. Как меня бабушка ругала, била!.. А я тут причём?..

25 апреля сорок пятого года мама родила моих братьев, двойняшек. И я помню, что в День Победы, папа был в военной форме и повёл меня к роддому, мама в окно нам показала двух куколок. Потом папа посадил меня на плечи и пошёл по Неве. Все корабли стреляли, какая была красотища! Такого салюта больше никогда не было в День Победы.

Хорошенькие мальчишки... Но один как-то пропал без вести... Это был так: я когда узнала, что это моя мама, то к ней ласкалась постоянно, ну и, видимо, поцарапала. А мама – парикмахер, стригла кого-то, и в царапину попал волос. Пошло заражение. Её сразу в больницу, с двумя грудными детьми. И там мама спрашивает: «Почему вы мне всё время одного ребёнка приносите кормить, а второй-то где?» Ей ответили: «У вас температура, вам кажется, я вам разных детей ношу!» А через три дня: «Ваш ребёнок умер». Папе сказали принести гробик и одежду для похорон. Он всё принёс и захотел взглянуть на сына, попрощаться. Папе сказали прийти завтра, а завтра его уже послали в командировку. Когда вернулся, пришёл в больницу и спросил, на каком кладбище похоронен ребёнок. Ответили что-то невнятное. Он объездил все ленинградские кладбища, и везде говорили, что маленького гробика не хоронили... А второй мой брат, Анатолий, дожил до 57 лет.

Тамара Кирилловна с родителями и дочерью

Родители никогда про войну не рассказывали, это было очень тяжело! Это сейчас стали всё говорить, все помнят... да ничего мы не помнили, ничего нам родители не говорили! Когда появился фильм «Блокада», мама моя так рыдала! И

все эти песни, папа сразу выключал телевизор и говорил: «Всё! Стоп!» И сам плакал...

Медали Тамары Кирилловны

Мой муж, Юрий Александрович Лукьянов, участвовал в войне и много об этом рассказывал. В сорок первом году ему было двадцать лет. 22 июня он шёл на стадион, где должен был состояться футбольный матч, и по радио передали, что началась война. Вскоре выдали продовольственные карточки, люди берегли их больше, чем драгоценности. С первой бомбёжкой Юрий Александрович понял, что такое война, бомба попала в его дом, сгорела квартира приятеля.

**Юрий
Александрович
Лукьянов**

Юрий Александрович дежурил на крыше ремесленного училища, куда его направили комсоргом. Однажды он увидел десятки вражеских самолётов, раздался взрыв – потом он узнал, что рядом упала бомба весом в тонну. Потом строил оборонительные сооружения (Карельский перешеек, станция Петяярви, Волосовский район, станция Сосницы, где впервые увидел фашистов).

На фронт он решил записаться добровольцем в сентябре сорок первого. Вступил в народное ополчение. Охранял общественный порядок. Потом его отправили домой ждать вызова в военкомат (он не состоял в партии и не мог быть политбойцом¹). Вместе с мамой и бабушкой ели раз в день. Хлеб жарили на горчичном масле. Из маисовой муки варили суп. Также в продовольственной карточке был талон на солёные огурцы, Юрий Александрович отправился за ними на Лиговский проспект (а жил на Петроградской)! Он шёл и вдруг увидел, что невдалеке стал проваливаться внутрь кирпичный дом. Секунда, грохот – и четырёхэтажного дома как не бывало. Он повернулся и еле дошёл обратно, без огурцов.

Стояли страшные холода, топили плиту, потом по очереди сидели и грелись на ней. Спали одетыми.

¹ **Политбойцы** — коммунисты и комсомольцы, направлявшиеся в действующие части Красной Армии в начальный период Великой Отечественной войны по партийным мобилизациям для усиления партийно-

В ноябре его вызвали в военкомат, там посадили в грузовую машину и повезли на распределительный пункт, где направили под Пулково. Там закопались в землянку в откосе Витебской железной дороги. Сидели на земляных нарах, которые покрыли соломой и своими шинелями. Из железного ящика из-под патронов соорудили печку. Но предупредили, что дыма не должно быть, ведь по малейшему дымку гитлеровцы открывали огонь. Плащ-палаткой закрывали вход в землянку², а на улице минус 30! Давали хлеб и горячее раз в сутки, сушёную картошку с чем-то или похлёбку из пшена. Еду надо было также доставлять на передовую, а это было непросто. Однажды Юрий Александрович вместе со старшиной доставлял бойцам обед. Они сначала добрались по-пластунски до кухни, потом поставили термос с похлёбкой на волокушу (это лыжи, связанные вместе), и потащили так же, по-пластунски. А гитлеровцы постоянно «развешивали» осветительные ракеты, через и каждые 5-10 минут становилось светло! Так они и двигались. Двое ползли впереди и тащили волокушу за верёвку, один толкал её сзади. Над головами жужжали пули. Они слышали, как простучал пулемёт, а потом увидели, что в бачке образовались дыры, и похлёбка начала проливаться! Тогда старшина лёг животом на термос и зажал отверстия руками. Фашисты открыли огонь. До окопов ещё нужно доползти, и тащили теперь не только бачок, но и старшину, который на нём лежал. И обед всё-таки доставили!

Однажды рота пошла в атаку на гитлеровцев, которых нужно было выбить с определённой высоты. Те сразу открыли огонь из миномётов и пулемётов. Наступали короткими перебежками. Чтобы подняться, собирали волю в кулак – ведь рядом лежат раненые и убитые товарищи, и пули над головой свистят... Жаркие бои не прекращались...

Однажды Юрия Александровича в землянке завалило землёй и брёвнами, он пролежал так три дня, не мог двинуться. По настоянию политрука его откопали, хотя уже считали погибшим. Ночью откопали, вытащили, отправили в санроту, а оттуда в медсанбат. В медсанбате не поверили, что дошёл сам, был еле живой, с температурой за сорок. Была контузия, обморожение, воспаление лёгких. Потом

политического влияния в войсках. До конца мая 1942 г. на фронт было послано свыше 132 тыс. Политбойцов (А. Крюковских. Словарь исторических терминов, 1998 г.)

² **Землянка** - полевая необоронительная постройка, предназначенная для жилья, полууглубленная в землю, с односкатной или двускатной крышей и обычно обсыпанная землей. (Военно-исторический словарь, 1998 г.)

перевезли в госпиталь на Исаакиевскую площадь, который размещался в здании бывшего немецкого консульства. Он многое передумал, лёжа на больничной койке, постоянно вспоминал боевых товарищей.

После госпиталя было два дня отдыха, ему дали мизерный сухой паёк и он пошёл домой. Паёк оставил маме и бабушке, сам пошёл получать направление на фронт. Определили в топографический отдел: он учился в вузе до войны и хорошо чертил. Бойцы, в числе которых был Юрий Александрович, на передовой запоминали и потом наносили на топографические карты огневые точки³ противника. Их часто обстреливали.

Ему поручили делать карты для командующего армией генерала В.П. Свиридова⁴. В одном из обстрелов летом сорок второго года он пострадал. Но скорее вернулся в штаб, где ему поручили готовить карту с полной боевой обстановкой армии. Карту будет смотреть К.Е. Ворошилов. Сделали карту, получилось красиво. Юрий Александрович с подполковником понёс карту Ворошилову. Впервые в жизни он увидел маршала Ворошилова.

У Юрия Александровича ухудшалось зрение, к 1943 году он надел очки со стёклами минус пять диоптрий. Врач сказал, что если так будет и дальше, он вообще не сможет работать, чертить – тем более.

В январе сорок третьего он был на собрании старших офицеров и генералов, где обсуждался вопрос о прорыве блокады Ленинграда. Через несколько дней начались бои по прорыву блокады Ленинграда.

В штабе армии он был до апреля сорок третьего. Потом его отправили в техническое военное училище, куда-то в город в приволжских степях. К декабрю сорок пятого года Юрий Александрович стал офицером, но, как студент, был демобилизован и вернулся в Ленинград.

³ **Огневая точка** условное название огневого средства (пулемёт, орудие и т. д.), расположенного на огневой позиции в опорном пункте (районе обороны) или в промежутке между ними, в укрытии (окоп, бронеколпак) или открыто, с использованием защитных свойств местности.

⁴ **Владимир Петрович Свиридов** советский военачальник, генерал-лейтенант артиллерии. В начале Великой Отечественной войны — начальник артиллерии Северного фронта. Один из организаторов обороны Лужского рубежа. <http://ru.wikipedia.org>

В сорок лет он стал генерал-майором, был начальником ГУВД Ленинграда и Ленинградской области.

Впоследствии Юрий Александрович руководил отделом благоустройства Исполкома Ленсовета, в обязанность которого входило оказание помощи в создании уникального мемориала – Зелёного пояса Славы⁵.

**Воспоминания записала и оформила
Баранова Полина
2012-2013г**

⁵ «Зелёный пояс Славы» — комплекс мемориальных сооружений на рубежах битвы за Ленинград в 1941—1944 годах, созданный в 1965—1968 гг. с целью увековечить память его героических защитников. Общая протяжённость Зелёного пояса Славы составляет свыше 200 км и включает в себя зелёные насаждения, внутри которых находятся 26 монументов. <http://ru.wikipedia.org>